

Киреевский Иван Васильевич

**Полное собрание сочинений
Ивана Васильевича
Киреевского**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Васильевич К.**
Полное собрание сочинений Ивана Васильевича Киреевского: Том 1 / Киреевский Иван Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 317 с.

ISBN 978-5-519-89072-4

ISBN 978-5-519-89072-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

И. В. КИРЪЕВСКАГО.

Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину, Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями, и имъ изстари принадлежало село Долбино, въ 7 верстахъ отъ г. Бѣлева. Замѣчательное красотою мѣстоположенія, Долбино знаменито въ округѣ своею старинною церковью, въ которой находится чудотворный образъ Успенія Пресвятой Богородицы, усердно чтимый мѣстными жителями. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, почти ежедневно являются изъ г. Бѣлева благочестивые горожане отслужить молебенъ и поклониться Св. Иконѣ. Въ Августѣ, во время Успенской ярмарки, нѣсколько тысячъ народа стекается въ с. Долбино изъ всѣхъ окружающихъ городовъ и уѣздовъ.

Въ Долбинѣ прошли первые дѣтскіе годы И. В. Кирѣевского. Его отецъ, Василій Ивановичъ Кирѣевскій, былъ человекъ замѣчательно просвѣщенный. Онъ зналъ пять языковъ; библіотека, имъ собранная, свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію; въ молодости, самъ переводилъ и даже печаталъ романы и другія мелкія литературныя произведенія того времени; но по преимуществу онъ занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной; охотно и много работалъ въ своей лабораторіи; съ успѣхомъ лечилъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Онъ служилъ въ гвардіи, и вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ; въ 1805 году женился на Авдотѣ Истровнѣ Юнковой. Во время первой милиціи былъ онъ выбранъ въ дружинные начальники. Въ 1812 году перевезъ всю свою семью въ Орелъ. Здѣсь и въ Орловской деревнѣ своей (Кирѣевской Слободкѣ), въ 3-хъ верстахъ отъ Орла, онъ далъ приютъ многимъ семействамъ,

бѣжавшимъ изъ Минска, Смоленска, Вязмы и Дорогобужа; взялъ на себя леченіе, содержаніе и продовольствіе 90 человекъ раненыхъ Русскихъ, съ христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, брошенными Французами,—и на подвигѣ христіанскаго сердоболія заразившись тифозною горячкою, скончался въ Орлѣ 1-го Ноября 1812 года. Тѣло его было перевезено въ с. Долбино и похоронено въ церкви. Послѣ него остались два сына—Иванъ (родился въ Москвѣ 1806 года 22 Марта) и Петръ (родился въ Долбинѣ 1808 года 11 Февраля), и еще дочь Марія (род. 1811 года 8 Августа), на рукахъ своей матери, овдовѣвшей на 23-мъ году жизни.

Авдотья Петровна Кирѣевская возвратилась съ дѣтьми въ Долбино. Сюда въ началѣ 1813 года переѣхалъ Василій Андреевичъ Жуковскій, ея близкій родственникъ, воспитанный съ нею вмѣстѣ, и съ дѣтства съ нею дружный. Жуковскій прожилъ здѣсь почти два года. Въ концѣ 1815 года онъ оставилъ свою Бѣлевскую родину: поѣхалъ въ Петербургъ для изданія своихъ стихотвореній, надѣясь возвратиться скоро и думая посвятить себя воспитанію маленькихъ Кирѣевскихъ и принять на себя опекунскія заботы.

Вотъ отрывки изъ его писемъ 1815 года:

«Вотъ мое расположеніе: кончивъ изданіе своихъ стиховъ, котораго на бѣду никому постороннему поручить не могу, тотчасъ отправлюсь въ Дерптъ..... Вы между тѣмъ увѣдомьте, что вы хотите дѣлать, когда соберетесь къ намъ и когда должно мнѣ пріѣхать за вами. Гораздо было бы лучше, когда бы я васъ и проводилъ изъ Дерпта, тогда могъ бы подольше съ вами остаться. При свиданіи будемъ говорить о томъ, что для меня есть одно *изъ главныхъ дѣлъ жизни*, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана, и право *не даромъ* сказалъ, что въ этотъ планъ входитъ много моего будущаго. Чтобы придумать что-нибудь основательное, надобно имѣть этотъ планъ въ рукахъ; а вы все еще его не присылаете.»

«Милые друзья, благодарствуйте за добрые совѣты, а еще болѣе за то нѣжное чувство дружбы, которое видно въ вашихъ письмахъ. Слава Богу! Это восклицаніе весьма тутъ кстати. Какъ не сказать слава Богу, думая о друзьяхъ и видя ихъ къ себѣ дружбу? Послушайте, милая Долбинская сестра (*). Я и самъ было испугался своего предложенія (**), сдѣланнаго вамъ въ первую минуту, но испугался только своей неспособности его исполнить. Что, если бы мнѣ удалось только болѣе еще испортить дѣла ваши? Но, какъ говорить, на безрыбьѣ и ракъ рыба, а я готовъ быть для васъ ракомъ. Что же было бы лучше, какъ потрудиться для нашихъ милыхъ дѣтенокъ, да вы отъ меня не уйдете. Дайте мнѣ устроить свое здѣшнее, и я опять у васъ, опять въ своей семьѣ, опять въ прекрасномъ родимомъ краю, окруженный всѣми милыми воспоминаніями, среди соловьевъ и розъ и проч. и проч. Знаете, что всякій ясный день, всякій запахъ березы производить во мнѣ родъ Heimweh. . . .»

Жуковскому не суждено было возвратиться на житье въ Долбино. Жуковскій остался въ Петербургѣ, вступилъ въ службу и только изрѣдка, и на короткое время, могъ пріѣзжать въ свою Бѣлевскую родину. Но нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вблизи такого человѣка, каковъ Жуковскій, не могли пройти безъ слѣда для молодой души Кирѣевского. Кирѣевскій развился весьма рано. Еще въ 1813 году, онъ такъ хорошо владѣлъ шахматною игрою, что плѣнный генералъ Бонапартъ не рѣшался играть съ нимъ, боясь проиграть семилѣтнему мальчику; съ любопытствомъ и по нѣскольку часовъ слѣдилъ за игрою ребенка, легко обыгрывавшаго другихъ Французскихъ офицеровъ. Десяти лѣтъ Кирѣевскій былъ коротко знакомъ со всѣми лучшими произведеніями Русской Словесности и такъ называемой классической Французской литературы; двѣнадцати лѣтъ онъ хорошо зналъ Нѣмецкій языкъ. Конечно, тихіе Долбинскіе вечера, когда Жуковскій почти каждый разъ прочитывалъ что-нибудь, только что имъ

(*) Авдотья Петровна Елагина.

(**) Быть опекуномъ надъ малолѣтними Кирѣевскими.

написанное, должны были имѣть сильное вліяніе на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть можетъ, его рѣшительная склонность къ литературнымъ занятіямъ, идеально-поэтическое настроеніе его мыслей. Для Кирѣвскаго Жуковский всегда оставался любимымъ поэтомъ. Наконецъ, кажется, говорить объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнявшихся во все продолженіе ихъ жизни. Жуковский горячо любилъ Кирѣвскаго, вполне цѣня и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣвскаго, Жуковский спѣшилъ являться первымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, и, если обстоятельства того требовали, энергическимъ заступникомъ. Зная Кирѣвскаго, онъ всегда смѣло могъ ручаться за благородство его стремленій, за искренность его желаній блага. Вотъ отрывокъ изъ письма Кирѣвскаго къ матери, писаннаго не долго до кончины Жуковского.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ, я получилъ письмо отъ Жуковского, въ отвѣтъ на мое. Удивительный человекъ этотъ Жуковский. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ. Онъ почти кончилъ свою Одиссею, работая надъ нею постоянно, и перевелъ, и уже почти напечаталъ 23 пѣсни съ половиною, — и оторвался отъ этой работы, потому что пришла страстная недѣля, и онъ сталъ говѣть. Въ это время получилъ онъ мое письмо съ просьбою. Для говѣнья онъ оставилъ Одиссею; но для добраго дѣла въ ту же минуту нарушилъ свой святой шабашъ, и написалъ длинное и прекрасное письмо къ принцу Ольденбургскому, другое къ Б. и третье ко мнѣ. Эту жертву, конечно, Богъ приметъ, какъ живую молитву сердца.»

До пятнадцатилѣтняго возраста Кирѣвскіе оставались безвыѣздно въ Долбишѣ; у нихъ не было ни учителей, ни гувернеровъ (*); они росли и воспитывались подъ непосред-

(*) При маленькихъ Кирѣвскихъ отъ 1815 до 1818 года былъ Нѣмецъ К. Н. Вагнеръ, для упражненія въ Нѣмецкихъ разговорахъ. Обязанность его была одѣвать дѣтей, гулять съ ними, словомъ все, что требуется отъ дядьки; но онъ никогда не былъ ни гувернеромъ, ни преподавателемъ.

веннымъ руководствомъ матери и вотчима. Въ 1817 году А. П. Кирѣвская вышла за мужъ за своего внучатнаго брата Ал. Ан. Елагина. Елагинъ, горячо и нѣжно любившій Кирѣвскихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1822 года; и молодой Ваня Кирѣвскій привязался къ своему второму отцу всѣми силами своей любящей души. Кирѣвскій развивался быстро; не говоря уже о томъ, что онъ еще въ деревнѣ прекрасно выучился по Французски и по Нѣмецки, коротко познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечелъ множество историческихъ книгъ, и основательно выучился математикѣ. Еще въ Долбинѣ началъ онъ читать философскія сочиненія, и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецій, но они не оставили вреднаго впечатлѣнiя на его отроческой душѣ (*). А. А. Елагинъ, въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго «Критику чистаго разума» онъ вывезъ съ собою изъ заграничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненiями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ, и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ. Свѣтлый умъ и врожденныя философскія способности И. В. Кирѣвскаго были ярки въ этомъ, почти что отроческомъ возрастѣ; прежнiе литературные разговоры, во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ не рѣдко стали замѣняться бесѣдами и спорами о предметахъ чисто философскихъ; и когда Елагины, для дальнѣйшаго воспитанiя дѣтей, переселились въ Москву, молодой Кирѣвскій явился (1822) въ кругу своихъ сверстниковъ знакомымъ со многими положенiями тогдашней Германской философи.

(*) Въ 1839 году, вотъ что писалъ Кирѣвскій А. П. Кошелеву: «О Гельвеціи, я думаю, и самъ быть бы такого же мнѣнiя, какъ ты, если бы прочелъ его теперь, но лѣтъ десять назадъ, онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, простонародно убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, не смотря на проповѣданіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ не точнымъ словомъ потому что подъ нимъ могли разумѣться и патриотизмъ и любовь къ человечеству и все добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но и счастье, казалась мнѣ отъѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеціи.»

Въ Москвѣ (1822) И. В. началъ учиться по Латыни и по Гречески, и выучился сколько требовалось тогда для экзамена (*), бралъ уроки у Спегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ Московскаго Университета; слушалъ публичныя лекціи профессора Павлова, и выучился по Англійски. Нѣкоторые уроки онъ бралъ вмѣстѣ съ Ал. Ив. Кошелевымъ, и съ этихъ поръ начинается дружба Кирѣвскаго и Кошелева, крѣпкая на всю жизнь. Они вмѣстѣ выдержали такъ называемый комитетскій экзаменъ, и въ одно время вступили на службу въ 1824 году, въ Московский Главный Архивъ Иностранной Коллеги. Въ это время, въ Архивѣ, подъ просвѣщеннымъ начальствомъ Алексѣя Ѳедоровича Маллновскаго, служилъ цвѣтъ тогдашней Московской молодежи, — архивные юноши, какъ называлъ ихъ Пушкинъ. Товарищами Кирѣвскаго были: Веневитиновы (Д. В. и А. В.), В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, И. С. Мальцевъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій и многіе другіе. Изъ нихъ составилъ первый кругъ друзей Кирѣвскаго, и къ нему примкнули питомцы Московскаго Университета: Н. М. Рожалинъ, М. А. Максимовичъ и М. П. Погодинъ. Это было цвѣтущее время Русской Словесности, ознаменованное яркими успѣхами Пушкина; вокругъ него начинала свѣтиться блестящая плеяда первоклассныхъ поэтическихъ талантовъ; имена: Баратынскаго, Языкова, Барона Дельвига, Веневитинова, Хомякова, начали не рѣдко мелькать въ альманахахъ и журналахъ того времени. Они навсегда останутся драгоценнымъ украшеніемъ Русской Словесности; — по рядомъ съ возникновеніемъ дѣятельности чисто литературной, въ Москвѣ стала возникать въ это время новая умственная дѣятельность, подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Въ 1821 году профессоръ М. Г. Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы, читалъ въ Университетѣ и въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ лекціи о природѣ. Впечатлѣніе его лекцій было сильное и

(*) Недостаточность своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ, И. В. почувствовалъ гораздо позднѣе, и въ сороковыхъ годахъ, черезъ 20 лѣтъ, снова сталъ учиться по Латыни и по Гречески, и выучился хорошо, такъ что могъ въ подлинникъ читать классиковъ и Св. Отцовъ.

плодоносное, возбуждавшее въ тогдашнемъ поколѣніи Москвитей сочувствіе къ философіи Германской. Однимъ изъ первыхъ ея поборниковъ явился тогда питомецъ Московскаго Университета, князь В. Ѳ. Одоевскій, собиравшій у себя небольшой кругъ молодыхъ литераторовъ, во имя *Любомудрія*, и съ 1824 года издававшій свою 4-хъ книжную Мнемозину, въ началѣ которой была помѣщена прекрасная статья его учителя Павлова о способахъ изслѣдованія природы. Къ этому кругу принадлежалъ Кирѣевскій съ своими архивскими сослуживцами, между которыми самою блестящею и любимую надеждою былъ Д. Веневитиновъ, «рожденный для философіи еще болѣе, чѣмъ для поэзіи» (*); но по несчастію, у той и другой отнятый преждевременною неожиданною смертію. Еще въ исходѣ 1826 года, когда, пріѣхавши въ Москву, Пушкинъ такъ дружно сошелся съ Веневитиновымъ и сблизился съ его товарищами, у нихъ состоялся новый литературный журналъ, *Московский Вѣстникъ*, подъ редакціей М. П. Погодина. Кирѣевскій не выступалъ еще на литературное поприще, къ которому готовился, и на которомъ начинали дѣйствовать его товарищи. Къ этому времени (1826 и 1827) относятся первыя уцѣлѣвшія его письма, и мы помѣщаемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

КЪ А. А. ЕЛАГИНУ.

1826 Августъ.

«Вы ко мнѣ не хотите писать, милый напенька, потому, что въ грустномъ расположеніи духа, а я гораздо лучше бы хотѣлъ отъ васъ получить грустное письмо, нежели шуточное, и пишу къ вамъ теперь именно потому, что мнѣ не весело. Въ эти минуты душа невольно какъ-то обращается къ тому, что всего дороже, и забываетъ все, что ее разсѣявало, и всѣ обыкновенныя запятія, которыя, скользя только по поверхности ея, не доходили въ глубь. Я, по крайней мѣрѣ во время печали, невольно ищу предмета, который бы вполнѣ занималъ всего меня, который бы заключалъ въ себѣ не одно определенное желаніе, не одну определенную мысль, но входилъ бы во всѣ желанія, во всѣ мысли,

(*) Слова Кирѣевского.

и если что нибудь живое на землѣ можетъ быть такимъ предметомъ *полаго* я, то, безъ сомнѣнія, это вы и маменька. Ибо вы оба служите для меня связью всей прошедшей моей жизни, и входите во всѣ тѣ планы, которые воображеніе строить въ будущемъ, которые, можетъ быть, не сбыточны, но которые трогаютъ самыя чувствительныя струны моего сердца. На всемъ пути жизни моей (которую, признаюсь, люблю одѣвать въ блестящія краски) я вижу васъ непремѣннымъ спутникомъ моимъ и до сихъ поръ не рождалось у меня ни одного желанія, ни одной надежды, которыя бы исполнѣ занимали меня, и которыя бы могли исполниться безъ васъ. Вотъ почему и думается объ васъ, когда грустно, а если думается, то и пишется. Но, впрочемъ, мысли эти не связываются ни съ чѣмъ тѣмъ, что у насъ *теперь* дѣлается, ни въ чемъ изъ того, что насъ *теперь* занимаетъ, и связываются только съ тѣмъ, что занимаетъ меня всегда, къ чѣму я постоянно возвращаюсь отъ вседневныхъ занятій. И такъ, если бы писать къ вамъ объ томъ, о чемъ думается, и такъ, какъ хочется, то я не писалъ бы къ вамъ ни объ васъ, ни обо мнѣ, ни объ нашемъ, но писалъ бы къ вамъ о высочайшемъ счастьи, о средствахъ къ общему нашему достиженію онаго, о самоусовершенствованіи, и т. п. Не знаю, впрочемъ, въ какую минуту вы получите письмо мое; можетъ быть, въ минуту холодную, — а мнѣ бы не хотѣлось профанировать моихъ мыслей. И такъ, если вы хотите, чтобы я къ вамъ писалъ, то общайте мнѣ, что вы иначе не распечатаете письма моего, какъ тогда, когда вамъ будетъ грустно. Это необходимое условіе для того, чтобы понять меня, какъ я того хочу.»

1827.

КЪ А. П. КОМЕЛЕВУ.

«Спасибо, Комелевъ, за твое письмо. Истинно счастливый подарокъ. И въ немъ нашелъ прежнее участіе, прежнюю любовь и довѣренность. Минута полученія была для меня драгоценною минутою. Признаться стыдно, но необходимо для облегченія совѣсти, что и я начиналъ уже сомнѣваться